

Н. А. Чистякова

ДРЕВНЕЙШАЯ ГРЕЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА*

(Надпись Нестора из Питтекусы)

ВОПРОС о соотношении поэтического творчества и письменности обычно считается неразрешимым для древнейших памятников греческой литературы. Распространенное представление о полном отсутствии авторских текстов, недостоверность и хронологическая отдаленность рукописной традиции, малочисленность, противоречивость и недостоверность свидетельств способствуют возникновению самых разнообразных гипотез. А между тем VIII век сам предоставил теперь в наше распоряжение такие метрические тексты, которые, возможно, представляют собой *ipsissima verba* их авторов.

Прошлое, настоящее и будущее VIII в. — знаменательного периода в жизни всей Эллады — принято объединять именем Гомера. Прошлое этого столетия — микенская эпоха, художественно претворенная в гомеровском эпосе. Его настоящее — в том же эпосе отраженное разрушение привычного родового уклада, ослабление и разрыв родовых уз, рождение и первое проявление личного самосознания. Ближайшее будущее — развитие производительных сил, рост и расцвет многочисленных полисов, где сородичу и соплеменнику предстояло ощутить и утвердить себя в роли гражданина, прообразом которого представлялся для него гомеровский Гектор. При крайне слабой дифференциации форм идеологии и видов устного словесного творчества поэзия продолжала оставаться важнейшим средством общественного контакта. Спорен вопрос о том, как и когда были записаны гомеровские поэмы. «Письменность и индивидуальное авторство возведи древний эпос на новую ступень и сделали его родоначальником всей позднейшей литературы»¹. Время возникновения греческого алфавитного письма точно неизвестно, но первые эпиграфические памятники четко датируются второй половиной VIII в.² Местом создания гомеров-

* Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного 25/X—1973 г. на заседании, посвященном памяти проф. И. М. Тронского в Московском гос. институте иностранных языков им. Мориса Тореза. Автор пользуется случаем выразить благодарность всем коллегам, оказавшим помощь в работе над данной темой.

¹ И. М. Т р о н с к и й, Вопросы языкового развития в античном обществе, Л., 1973, стр. 150.

² Современные специалисты по греческой эпиграфике относят возникновение алфавитного письма к концу IX в. до н. э. См. L. H. J e f f e r y, The local scripts of archaic Greece. A study of the origin of the Greek alphabet and its development from the eighth to the fifth cent. B. C., Oxf., 1961, стр. 12—21; M. G u a r d u c c i, Epigrafia Greca, I, Roma, 1967, стр. 70—73; G. P f o h l, Die ältesten Inschriften der Griechen, «Quaderni Urbinati di cultura classica», VII, 1969, стр. 7—25.

Рис. 1. Кубок Нестора (740—725 гг. до н. э.)

ского эпоса было малоазийское побережье и близлежащие острова, где — по предположению некоторых исследователей — могла возникнуть первая алфавитная письменность. Но древнейшие греческие эпиграфические памятники, половина которых составлена в гексаметрах, обнаружены совсем недавно в других областях греческого мира. Из девяти надписей, которые приводит М. Гвардуччи, автор новейшего компендиума по греческой эпиграфике, пять не переступают рубежа VIII в., хронология же четырех других колеблется между концом VIII и началом VII в. до н. э. Их местонахождение различно: Атика, Беотия, Западная Аргоида, острова Эгина, Родос, Фера, Итака, далекие западные эвбейские колонии, где в 1964 г. была обнаружена древнейшая надпись из двух букв на маленьком черепке, а десятью годами ранее — древнейшая метрическая надпись³. Местом обеих находок был крошечный островок в Неаполитанском заливе Питекусса (совр. Искья), место первого греческого поселения на Западе⁴. Находки на Питекуссе подтвердили античные свидетельства, согласно которым переселенцы из эвбейской Халкиды перед высадкой на материке и основанием Кум задержались на некоторое время на острове Питекуссе⁵. Как оказалось, в Италию халкидяне привезли с собой новое алфавитное письмо, заимствованное у них впоследствии италийцами⁶.

Первая метрическая надпись была найдена в 1954 г. в одном из погребений древнего питекусского некрополя. Она была процарапана на маленьком сосуде с линейным орнаментом. Сосуд был расколот, но все его черепки сохранились. Аналогичного типа скифосы VIII в. встречались до сих пор лишь в Восточном Средиземноморье; место же изготовления питекусского скифоса, как считают специалисты, — юго-восток Эгейского арха-

³ Guarducci, ук. соч., стр. 225, рис. 87; G. Buchner, C. F. Russo, *La coppa di Nestore e un'iscrizione metrica da Pithecusa dell' VIII secolo av. Cr.*, «Rendiconti della classe di scienze morali, storiche dell' Accademia dei Lincei», X, 1955, стр. 215—234.

⁴ T. J. Dunbabin, *The Western Greeks*, Oxf., 1948, стр. 435—471.

⁵ Strabo, V, 243, 247; Liv., VIII, 222.

⁶ H. Bengtson, *Griechische Geschichte*, München, 1969, стр. 62, 94.

ла, предположительно остров Родос. Высота сосуда 10,3 см; на наружной его стенке справа налево размещена трехстрочная надпись. По археологическим и палеографическим данным надпись датируется временем между 740 и 725 гг.⁷ Текст имеет незначительные пробелы и дефекты, но, за исключением первой строки, читается без особого труда. Так как первая строка открывается именем Нестора, стоящим в род. п. ед. ч., вся надпись получила название «надписи Нестора». Уже у первых публикаторов это имя ассоциировалось не только с именем гомеровского старца Нестора, но и со знаменитым кубком последнего, который столь подробно и любовно описан в «Илиаде»:

«Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом,
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких и две голубицы на каждой
Будто клевали златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с трапезы,
Полный вином, но легко поднимал его старец Пилосский»

(Ил. XI, 632—636)

В свое время Г. Шлиман сопоставил с этим описанием кубок, найденный им в одном микенском погребении⁸. Но скромный керамический скифос из Питекуссы емкостью меньше одного литра не имел ничего общего с роскошным кубком Нестора. Тем не менее сразу же возникло предположение, затем перешедшее в уверенность, что кто-то противопоставил в надписи свою неприметную вещь прославленной и великолепной. Эта гипотеза определила отношение ко второму слову первой строки, от которого сохранились едва заметные следы первой буквы — *эпсилон* — и последней — *йоты*, а между ними лакуна для 2—3 букв. Когда же Б. Снелль высказал предположение, что противопоставление обоих кубков носило форму шутки, надпись сочли веселым застольным тостом.

В обычной транскрипции первая строка выглядела следующим образом: Nestoros: ε[ ]ι: ευκοτ[ ]ι: ποτῆριο. Сначала первые издатели решили, что в лакуне была буква *μю*, но затем они сочли лакуну слишком большой для одного знака и заполнили ее тремя, предложив первое слово читать ερροι — «пусть сгинет!». Последующие конъектуры подыскивались с целью дальнейшего усиления противопоставления обоих кубков. Поэтому Д. Пейдж, А. Гойбек и Г. Пфоль приняли чтение ῥῥυ τῥυ — «был некий», близким к ним оказалось чтение Д. Манганаро ῥῥυ τῥυ — «был, конечно» и его вариант, где утверждение еще более акцентировалось ῥῥυ τῥυ — «да, конечно»⁹. М. Маркович и М. Гвардуччи подвергли сомнению прочтение

⁷ G u a r d u s s i, ук. соч., стр. 226, 227; H. M e t z g e r, Sur la date du graffite de la coupe de Nestor, «Revue des Études Anciennes», LXVII, 3—4, 1965, стр. 301—305. Попытка пересмотреть эту датировку, оспорить ее и даже гипотеза о значительном промежутке между временем изготовления сосуда и появлением на нем надписи неубедительны, так как они обусловлены предвзятым стремлением снасти давнюю гипотезу о медленном распространении греческого алфавита и его длительной первоначальной локализации в пределах малоазийской Ионии — R. S a g r e n t e r, рец. на книгу L. H. J e f f e r y, «American Journal of Philology», LXXXIV, I, 1963, стр. 83—85. Опровержению поздней даты и ответу Карпентеру посвящена указанная выше статья Метдже.

⁸ Теперь эта аналогия оспаривается и даже доказывается ее полная необоснованность — см. A. F u r u m a r k, Nestor's cup and the Mysenean dove goblet, «Eranos», XLIV, 1946, стр. 41—53.

⁹ D. L. P a g e, Greek verses from the eighth century B. C., «Classical Review», LXX, 2, 1965, стр. 95—97; A. H e u b e c k, Zur neueren Homerforschung V, «Gymnasium», LXXI, 1964, стр. 64; G. P f o h l, Poetische Kleinkunst auf altgriechischen Denkmälern, München, 1967, стр. 42; G. M a n g a n a r o, Varia epigraphica, Siculorum Gymnasium, Univ. Catania, XII, 1959, стр. 73.

букв, обрамляющих лауну. По мнению Гвардуччи, здесь следовало читать $\mu\epsilon\nu$ или $\mu\acute{\eta}\nu$ «поистине», Маркович предложил чтение $\gamma' \eta$ — «ведь был»¹⁰.

К первоначальному чтению Бюхнера и Руссо, отвергнутому ими же, вернулся В. Шадевальдт, предположив, что надпись была составлена от первого лица и кубок как бы сам сообщал, что он принадлежит Нестору — $\text{N\acute{e}stor\acute{o}s \epsilon\mu\acute{\iota}}$ ¹¹. Независимо от Шадевальдта к такому же выводу пришла Л. Джеффри, ссылаясь на владельческую запись на аттическом скифосе VII в.¹² Но принимая во внимание время, место и происхождение

Рис. 2. Надпись на кубке Нестора

кубка Нестора, аналогию следует продолжить и прежде всего распространить на древнейшую родосскую надпись на черепке местного керамического сосуда — $\text{Κοράκου \epsilon\mu\acute{\iota} κ\acute{\alpha}\lambda\iota\kappa}$ — «я — килик Корака»¹³. Обращение от первого лица и персонификация вещи обычны в греческих архаических надписях, посвящениях и эпитафиях. Поэтому нет оснований возражать против таковых в надписи Нестора¹⁴.

Относительно прочтения двух других слов первой строки дело обстоит значительно проще. Одно из слов представляет собой название сосуда — ποτήριον , а другое — его определение $\text{\epsilon\mu\acute{\iota}ο\tau\omicron\nu}$, причем в обоих случаях отсутствует конечное $\mu\omicron$. Итак, первая строка читается следующим образом: $\text{N\acute{e}stor\acute{o}s \epsilon\mu\acute{\iota} \epsilon\mu\acute{\iota}ο\tau\omicron\nu ποτήριον}$. Диалектические и графические особенности всего текста обязывают с максимальной осторожностью относиться к попыткам установить метрическую структуру этой строки. Практика подобных записей от первого лица заставляет предпочесть

¹⁰ Guarducci, Nuove osservazioni sull' epigrafe della «coppa di Nestore», «Rendiconti dell' Accademia dei Lincei», XVI, 1961, стр. 3—7; M. Markovich, On the earliest greek verse inscriptions, «Parola del passato», XXIV, 1969, стр. 220.

¹¹ W. S ch a d e w a l d t, Von Homers Welt und Werk, Stuttgart, 1959³, стр. 488. Сомнения первых издателей представляются необоснованными, так как в надписях данного типа $\mu\omicron$ пишется пятью черточками μ , и поэтому требует для

себя больше места, чем любая иная буква.

¹² $\text{\Theta\alpha\rho\iota\delta \epsilon\mu\acute{\iota} ποτήριον}$ — Jeffrey, ук. соч., стр. 69, 235, 401, рис. 1, 4.

¹³ Guarducci, Epigrafia greca, стр. 328, рис. 163; Jeffrey, ук. соч., стр. 347, рис. 67. Сюда же следует отнести архаическую владельческую запись на сосуде из Смирны — $\text{\Delta\omicron\lambda\iota\kappa\omicron\nu\varsigma \epsilon\mu\acute{\iota} κ\acute{\alpha}\lambda\iota\kappa\eta\eta}$ — Guarducci, там же, стр. 272.

¹⁴ Это чтение принято в самом обстоятельном исследовании о несторовском кубке К. Рютера и К. Матиессена — K. R ü t e r, K. M a t h i e s s e n, Zum Nestorbecher von Pithekussai, «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», II, 1, 1968, стр. 231—255; его же придерживаются Уэбстер — T. B. L. W e b s t e r, Notes on the writing of early greek poetry, «Glotta», XXXIX, 3—4, 1960, стр. 251—263 и Диле — A. D i h l e, Die Inschrift vom Nestorbecher aus Ischia, «Hermes», XCIV, 3, 1969, стр. 257—261, а также многие другие исследователи.

прозаическое чтение, хотя некоторые исследователи видят здесь ямбические или трохаические стопы ¹⁵.

Начало второй строки, где видны знак густого придыхания, а за ним буквы σ , δ и α , Гвардуччи первая прочла как $\delta\sigma\delta'\alpha\nu$, предположив, что писец пропустил после *альфы ню*. Затем следовало буквенное сочетание $\tau\omicron\delta\epsilon$, но так как в этом тексте *омикрон* означал в равной степени ω и ou , значение слова оставалось спорным. Далее шла лакуна, по краям которой сохранились нечеткие очертания начального *пи* и конечной *йоты*. Так как за лакуной было незавершенное слово $\tau\omicron\tau\epsilon\rho$, уже первые издатели предположили в лакуне некую глагольную форму и предложили читать ее как $\pi\acute{\eta}\sigma\iota$. Подобное чтение, оправданное семантически и морфологически, было принято всеми. Такая же форма с исчезнувшей впоследствии *сигмой* известна в гомеровском эпосе — $\phi\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\iota$. Э. Швицер связывает ее с первоначальной формой $\phi\acute{\epsilon}\rho\eta\sigma\iota$ без *iota subscriptum* ¹⁶. Незначительные расхождения возникли относительно падежных окончаний слов до и после глагола. По мнению Пейджа, второе слово стояло в вин. пад. ед. ч. — $\tau\omicron\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu$, первое же было род. пад. ед. ч. местоимения — $\tau\omicron\delta\delta\epsilon$ и все вместе означало «кубок вот этого». Глагол $\pi\acute{\iota}\nu\omega$ — «пить» в греческом языке встречается в предложных и беспредложных конструкциях. Но предпочтительнее представляются два других чтения: либо $\tau\omicron\delta\delta\epsilon\ \tau\omicron\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu$ — род. пад. ед. ч. «из этого сосуда» (по Рютеру), либо $\tau\omicron\delta\delta\epsilon\ \tau\omicron\tau\acute{\eta}\rho\iota\phi$ — дат. пад. ед. ч. «этим сосудом», как предлагает Маркович. Далее, в этой же второй строке после буквенного сочетания $\alpha\upsilon\tau\iota\alpha$ следует небольшая лакуна. Первые издатели прочли здесь слова $\alpha\upsilon\tau\iota\alpha\ \kappa\epsilon\iota\nu\omicron\nu$, руководствуясь тем, что слово $\kappa\epsilon\nu\omicron\nu$ читается после лакуны совершенно отчетливо, а на краю лакуны сохранились следы какой-то буквы, за которой видна верхняя часть *альфы*. Высказанная догадка была аргументирована ссылкой на близкое гомеровское сочетание $\alpha\upsilon\tau\iota\alpha\ \epsilon\pi\epsilon\iota\tau\alpha$ (Од. X, 237). Метрически же вся вторая строка предстала четким гексаметром, хотя смысловый анжанбеман в столь архаическом тексте показался совершенно неожиданным.

Третья строка открывается буквенным сочетанием $\zeta\epsilon\rho$, за которым следовала большая лакуна, а затем читаются буквы $\epsilon\sigma\tau\iota$, завершающие какое-то слово. Первые издатели, предположив в лакуне глагол, предложили остановиться на формульном чтении $\zeta\epsilon\rho\sigma\ \alpha\iota\rho\acute{\eta}\sigma\iota$, засвидетельствованном в гомеровском эпосе и в гомеровских гимнах ¹⁷. Далее без труда слова $\kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\epsilon\phi\acute{\alpha}\nu\omicron\nu$ Ἀφροδίτης были прочитаны всеми исследователями ¹⁸.

Таким образом, в привычной транскрипции и с принятыми дополнениями вся надпись читается следующим образом.

$\text{Néstorós: } \epsilon\iota\mu\iota: \epsilon\upsilon\beta\omicron\tau\omicron\nu: \tau\omicron\tau\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu.$
 $\omicron\varsigma\ \delta\acute{\iota}\alpha\nu\ \tau\omicron\phi\delta\epsilon\ (\tau\omicron\delta\delta\epsilon)\ \pi\acute{\iota}\eta\sigma\iota: \tau\omicron\tau\acute{\eta}\rho\iota\phi\ (\iota\omicron\nu): \alpha\upsilon\tau\iota\alpha\ \kappa\epsilon\iota\nu\omicron\nu$
 $\zeta\epsilon\rho\sigma\ \alpha\iota\rho\acute{\eta}\sigma\iota: \kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau\epsilon\phi\acute{\alpha}\nu\omicron\nu: \text{Ἀφροδίτης} (\alpha\varsigma).$

«Я удобный для питья кубок Нестора. Того же, кто станет пить этим кубком (или — из этого кубка), тотчас желание охватит прекрасновенчанной Афродиты».

¹⁵ W. L. West, *Bemerkungen zu Versinschriften*, «Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», VI, 2, 1970, стр. 171—173.

¹⁶ E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, I, München, 1939, стр. 661.

¹⁷ II. III 446, XI 89, XIV 328; Од. XXII 500; Hom. Hymn. Apoll. 461, Herm. 422, Aphrod. 57.

¹⁸ В первом слове ясно читаются $\kappa\alpha\lambda\lambda\iota\sigma\tau$, далее следует лакуна со следами первой и последней буквы и четко начертанное *омикрон*. Во втором слове в изломе оказались две последние буквы; конечная *сигма* несомненная, перед нею же более вероятно общегреческая *альфа*, чем ионийская *эта*.

Вторая и третья строки оказались двумя правильными гексаметрами с анжамбеманом, с цезурами в третьей стопе, хотя и различными по месту, с преобладанием дактилических стоп и хиатов. Метрический анализ этих строк не может быть исчерпывающим не только из-за некоторой фрагментарности текста, но из-за графических особенностей — единого написания долгих и кратких гласных и дифтонгов.

Текст надписи прочтен, но ее смысл до сих пор не разгадан. Одни считают надпись застольным тостом, другие видят в ней любовное заклинание. Но почти все неизменно рассматривают кубок и надпись на фоне только гомеровского эпоса. Надпись представляется прямым и непосредственным свидетельством популярности «Илиады» в середине VIII в. до н. э. А некоторые исследователи, признавая реальность существования Гомера как автора поэмы, видят в этой эпиграмме живой отклик, обращенный к поэту из самого отдаленного уголка греческой ойкумены через все Средиземноморье¹⁹. Об общем источнике для «Илиады» и питекусской надписи высказывают предположение более осторожные авторы²⁰. Но такое предположение в свою очередь порождает новые гипотезы и споры о соотношении основного гомеровского текста и возможных интерполяций, в частности о том, к чему следует возводить как мотив «чревоугодия» гомеровского Нестора, так и всю связанную с его именем тематику.

Новый шаг был сделан немецким филологом А. Диле, который, опираясь на чтение первой строки в качестве владельческой записи, решительно изгнал эпиграмму из гомеровского окружения и заявил, что владелец питекусского кубка лишь случайно оказался тезкой пилосского старца Нестора²¹. Но здесь с аргументацией оказывается значительно сложнее, так как наши сведения по антропонимике архаического периода крайне ограничены. Согласно очень неполным данным специальных словарей собственных имен, имя «Нестор» было распространено лишь в период поздней античности. Но Диле пренебрег некоторыми косвенными доводами: во-первых, в микенскую эпоху имена гомеровских героев носили люди иной социальной принадлежности, во-вторых, эвбейская Халкида была связана давними и прочными узами с древними центрами микенской цивилизации, наконец, как известно, фонд личных имен всегда стабильно консервативен²². Однако только упомянув о том, что неизвестный житель Питекуссы, халкидянин по происхождению, звался Нестором, Диле предпочел бытовое имя подтвердить ссылкой на бытовую лексику надписи. Бытовыми же он счел все те слова, которые не имели параллелей в гомеровском словаре, начиная с дважды повторенного в надписи слова *τὸτῆριον*. В свое время Аренс, а за ним Гофман называли разговорными те слова в поэзии Алкея и Сапфо, которые не были представлены в гомеровском языке, и сочли их уместными в мелике. По мнению же Диле, «негомеровские» слова в гексаметрической надписи Нестора — свидетельство деградации и распада эпического языка. Полностью соглашаясь с Диле по вопросу о негомеровском характере надписи, не могу принять его остальные положения, например, о бытовой лексике, обиходном колорите, об отношении к гомеровскому языку и, наконец, о том, что перед нами своеобраз-

¹⁹ Подробности даны в статье Рютера и Маттиссена (см. прим. 14). Неполный обзор ранней литературы о надписи Нестора имеется в «Revue des études grecques», начиная с т. LXIX и далее. На противопоставлении двух кубков особенно настаивает Пейдж в указанной выше статье.

²⁰ J. A. Notopoulos, *Homer, Hesiod and the Achaean heritage of oral poetry*, «Hesperia», XXIX, 1, 1960, стр. 195, 196. Автор считает общим источником гомеровской поэзии и несторовской эпиграммы устную эпическую поэзию.

²¹ D i h l e, ук. соч., стр. 257—261.

²² Эти доводы представляются мне вполне достаточными для возражения М. Марковичу, который категорически отрицает имя «Нестор» как неэпическое.

ное любовное заклятие. Как мне кажется, эта надпись — первое письменное свидетельство существования негомеровской словесной поэтической традиции, возможно более древней, чем эпическая ионийская, широко распространенной среди греков, а поэтому усвоенной всеми будущими поэтическими жанрами. Из нее пришло слово *ποτήριον*, которое Диле определил как «низкое», «обиходное» и «непоэтическое». Не встречаясь у Гомера, оно тем не менее представлено как в эпической, так и в мелической поэзии. Сохранился фрагмент архаического песнопения с упоминанием золотого сосуда (fr. 952 Page — *ποτήριον*); его вручил Алкмене Зевс после зачатия Геракла (fr. 952 Page). Об этом же самом золотом сосуде сказано в одном из фрагментов «Алкмеониды», эпической поэмы фиванского кикла (fr. 2,3 Kinkel). Сцена вручения этого сосуда Алкмене была изображена на знаменитом ларце Кипсела (Paus., V, 18,3). Наиболее чтимой реликвией в исторические времена фиванцы считали золотой сосуд, подаренный Зевсом матери Геракла (Athen., XI 474 f). Во всех приведенных текстах употребляется слово *ποτήριον*. Описывая свадьбу Гектора и Андромахи, Сапфо говорит о бесчисленных серебряных сосудах в брачном поезде невесты (fr., 44, 10 LP). Итак, в поэзии, живописи и в культе ритуальный сосуд обозначен как *ποτήριον*. Возможно, это тот самый кубок, связанный с культом плодородия и плодоносящих сил, который встречается на древнейших памятниках вазовой живописи и даже в микенских гробницах²³.

Скифосы питекусского Нестора и афинского Фария, обнаруженные в могилах владельцев, носили название *ποτήριχ*. Очевидно, они были культовыми предметами погребального обряда, что не мешало им в другой ситуации служить также бытовой утварью.

Неизвестен в гомеровском языке эпитет несторовского кубка *εἰποτος*. Его обычно сопоставляют с гомеровским эпитетом *ἠδύποτος*. Но слово *εἰποτος* представлено в поэтическом языке. Третье встречается оно у Эсхила, причем дважды в трагедии «Прометей Прикованный» как постоянный эпитет речного потока (ст. 676 и 812), а в «Персах» — эпитет молока, которое Атосса льет подземным богам, вызывая тень Дария (ст. 611). Отсюда можно заключить, что и этот эпитет негомеровского ареала, возможно, происходил из того же самого симпотического комплекса, куда входил также поминальный пир с его застольными песнями.

К области гимнической культовой поэзии относится второй эпитет *καλλιστέφανος*, отсутствующий у Гомера, но стоящий при имени Деметры в посвященном ей гимне (ст. 251 и 295), а у Тиртея — при имени Геры (2,1 Diehl).

Однако называя скифос Нестора ритуальным сосудом и полагая, что он играл определенную роль в похоронном обряде, я все еще оставляю нерешенным вопрос об общем смысле его надписи, явно не имеющей никакого отношения к будущим греческим эпитафиям. Путь к решению загадки ведет снова на Запад, но уже на материк, в Кумы, где во второй половине VIII в., осваивая новые земли, прочно обосновались халкидские переселенцы²⁴. В одном из первых кумских погребений был обнаружен маленький лекиф (арибалл) с надписью:

Ταταίης ἡμὶ λήκυθος
ὅς δ' ἂν με κλέψῃ, θυφλὸς ἔσται

²³ C. G. J a v i s, Greek altars, origin and typology (Washington univ. studies. Monograph. series humanities, I), 1949; M. P. N i l s s o n, Geschichte der griechischen Religion³, München, 1967, стр. 270. Здесь следует вспомнить мотив благовещения и символу сосудов в христианской религии.

²⁴ B e n g t s o n, ук. соч., стр. 90, 94.

«Я — лекиф Татайи; кто похитит меня, ослепнет»²⁵. Смысл этой надписи ясен. Перед нами «оберег», магическое заклятие, предназначенное оберегать предмет от воров. Некогда такое заклятие было произнесено над лекифом, а затем надпись зафиксировала его. После же смерти владельца лекиф был положен ей в могилу, причем назначение надписи сохранилось, только угроза распространилась теперь и на возможных осквернителей могил. Эта надпись Татайи — самая ранняя из найденных в могилах охранных надписей — стоит особняком среди архаических греческих надписей. Начиная с I в. до н. э., угрозы вора и осквернителям могил становятся постоянными в эпитафиях, а впоследствии появляются специальные законы об охране погребений²⁶. Возможно, что ранние эпитафии с мотивами предостережения не сохранились лишь случайно. Но эти мотивы также чужды эпитафиям классического периода с их героической тематикой, хотя отдельные отголоски все же встречаются среди них (например, Peek, № 1226).

Первые засвидетельствованный в надписи Татайи обычай использовать текст в целях предостережения и заклятия вне Эллады широко представлен в финикийских эпитафиях, известных уже со II тыс. Основное содержание финикийских надписей сводилось к проклятиям и угрозам, обращенным к осквернителям могил²⁷. Стелы с подобными охранными письменами греки видели всюду, где встречались со своими финикийскими соседями. Но восточный обычай составления эпитафий был грекам чужд; их собственные могилы и могильные памятники продолжали долго оставаться немymi. Поэтому к надписям они могли прибегнуть в утилитарно магических целях: с помощью надписей предметы приобретали голос, персонифицировались, сохраняя навсегда столь важный для греков признак. Характерно, что первые греческие надписи, эпиграммы, оказались именно надписями на предметах.

Однако финикийские надписи наряду с письмом, вероятно, сразу же привлекшие внимание греков, предназначались для носителей власти и изначально составляли привилегию деятельности, а не личности. Ни свергнутый правитель, ни опальный вельможа не могли претендовать на эпитафии. Где-то должен был возникнуть прецедент, позволивший грекам переосмыслить чужой обычай и перенести его в иные условия, в иную социальную среду. Недостающее звено было обнаружено неожиданно и недавно. В 1953 г. в каталог музея города Никозии на Кипре был внесен новый экспонат — могильная каменная плита с пятистрочной финикийской надписью, самой ранней из числа обнаруженных на Кипре. Специалисты датировали надпись началом IX в. до н. э. Необычным для финикийских надписей было ее начало: «И не сановник он, не правитель он — тот, кто в этой гробнице, стоящей над ним...». Далее следовал традиционный набор проклятий, угроз, ссылок на божий гнев и божью кару, подкрепленный перечислением богов. А неизбежное наказание провозглашалось неминуемым «... от руки ли Ваала или смертного, от руки ли священного бога или тех, кто с ним»²⁸.

²⁵ Jeffery, ук. соч., стр. 236, 238, 407, рис. 47, 3. О метрической структуре надписи высказывались различные суждения. Возможно, что владельческая запись — в ямбах или трохеях, а далее следует неполный гексаметр.

²⁶ W. Peek, Griechische Vers-Inschriften, I, Grab-Epigramme, В., 1955, № 1370—1383, прим. 80.

²⁷ И. Н. Винников, Эпитафия Ахирара Библиского в новом освещении, ВДИ, 1952, № 4, стр. 140—149.

²⁸ Ссылку на эту надпись я нашла в статье Г. Пфолья — Pfohl, Die ältesten Inschriften der Griechen, стр. 9; первое воспроизведение надписи было помещено во втором издании — P. Dikaios, A guide to the Cyprus Museum, 1953, мне же было

Таким образом, умерший финикиец, имя которого остается все еще неп прочитанным, не принадлежал к правящей верхушке; мало того, он даже противопоставлялся ей. Объяснить эту странность позволит лишь конкретный факт изменения ситуации, в результате чего традиционная модель сохранилась, но была подвергнута коренному переосмыслению. Поэтому эпитафия получила возможность оказаться уже л и ч н о й надписью. Этот процесс возможно представить себе следующим образом.

В начале IX в., т. е. задолго до массового переселения финикийцев на Кипр, туда проникали одиночки; на чужбине они стремились прежде всего обеспечить себе безопасность и самоутвердиться среди местного населения. Вполне вероятно, они прибегли к тем преимуществам, которыми у них на родине пользовались царь и его двор. Грекам же было глубоко безразлично как содержание финикийского обычая, так и все нюансы его переосмысления в финикийской среде. Их привлек прежде всего феномен «говорящей вещи», породивший в свою очередь уже греческий обычай подписывать мемориальные предметы различного назначения.

Таким образом, возникновение первых греческих эпитаграмм должно было оказаться одним из первых результатов распространения новой письменности. Знакомство же греков с финикийским письмом, освоение и применение его, по мнению специалистов, имело место в самом начале I тыс. В конце IX — первой половине VIII в. алфавитная письменность уже существовала у греков. Судя же по кипрской находке, греки были знакомы с финикийскими эпитафиями еще в IX в. Речь идет о двух процессах, вероятно, синхронных и взаимосвязанных, локализуемых на такой территории, где, с одной стороны, раньше, чем в других местах, существовали контакты между греками и финикийцами, а с другой, где коренное греческое население сохраняло навыки письма, хотя бы слогового. Именно таким местом был остров Кипр. Гипотеза о кипрском происхождении греческого алфавита слишком дискуссионна сейчас, чтобы обременять ее новой проблемой кипрского возникновения греческой эпитаграммы, хотя финикийская надпись с Кипра примечательна в обоих случаях. Для меня же вопрос о том, как могла возникнуть греческая эпитаграмма, важнее вопроса, где именно она могла возникнуть.

Финикийские надписи были прозаическими. Греки первыми придали надписям поэтическую форму, подтвердив этим гипотезу о ритуально-магической функции надписей. Первые из сохранившихся метрических надписей составлены в гексаметрах, подтверждая тем самым широкое бытование гексаметра в самых различных видах устной народной поэзии. Со стихотворной формой и поэтически стилизованной речью греки связывали представление о стабилизации памяти, о вечности и неподвластности времени, т. е. с тем, что играло главную роль в обрядово-ритуальной поэзии, предшественнице эпоса и лирики, к которой восходит, вероятно, лексика первых греческих поэтических надписей.

В несторовской надписи даже эпические комплексы выглядят необычно. Так, начало второго гексаметра $\dot{\iota}\mu\epsilon\rho\varsigma\ \alpha\dot{\iota}\rho\dot{\iota}\varsigma\alpha\dot{\iota}$ восходит к такой эпической формуле, которая в гомеровском эпосе и в гимнах заключает гексаметр. Здесь же с этого сочетания, несущего на себе основную смысловую нагрузку, гексаметр начинается. В архаической лирике с $\dot{\iota}\mu\epsilon\rho\varsigma$ обычно связывается представление о внезапной и непреодолимой силе божества ²⁹.

доступно третье издание 1961 г., где надпись помещена на стр. 214. Приведенный выше текст дан по переводу и комментарию издания — Н. D o n e r, W. R ö l l i g, Kanaanäische und aramäische Inschriften, II, Wiesbaden, 1964, стр. 48.

²⁹ $\delta\alpha\mu\epsilon\dot{\iota}\varsigma\ \phi\rho\epsilon\nu\alpha\varsigma\ \dot{\iota}\mu\epsilon\rho\omega$ называет Пиндар Зевса, похитившего Пелопса (Olym. I 40). У него же сказано, что Геракл учредил олимпийские игры, так как $\tau\omega\nu\ \nu\upsilon\nu\ \gamma\lambda\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma\ \dot{\iota}\mu\epsilon\rho\varsigma\ \dot{\epsilon}\sigma\chi\epsilon\nu$ (Olym. III 33). См. также Alk. fr. 27, 2 Page; Sappho fr. 95, 11; 137, 3, LP.

В надписи Нестора ἕμερος соотносено с именем Афродиты. Не апеллирует ли вся надпись, подобно финикийским эпитафиям, к карающему богу, призываемому оберегать данную вещь? Но как представить себе в подобной роли Афродиту?

В архаической Греции культ Афродиты был широко и повсеместно распространен. Сохранились неоднократные свидетельства и о том, что она выступала как спасающее и карающее божество. Так, в начале VI в. какой-то митиленец, прибывший в Египет, принес Афродите в дар сосуд, на уцелевшем черепке которого имеется фрагментарная надпись³⁰. Тогда же или несколько ранее неизвестный афинянин сделал на акрополе посвящение Афродите; на пьедестале не сохранившейся статуи была высечена надпись из двух дистихов, к сожалению, теперь уже плохо читаемых. Посвятитель называет Афродиту ее древнейшим культовым именем *πότνια* и просит о предоставлении ему «изобилия благ» — τῶν ἀγαθῶν ἀφροδισίαν, выражая надежду на то, что она поможет ему и покарает его клеветников. К сожалению, заключительный стих с обозначением ожидаемой кары не сохранился³¹. Во времена персидского нашествия на Элладу, в начале V в., коринфяне совершили жертвоприношение Афродите Киприде, умоляя богиню спасти коринфский акрополь, коринфян и всех эллинов. Посвятительная надпись к этому дару сохранена поздней литературной традицией³². Число приведенных примеров можно еще без труда увеличить, но суть их уже ясна. В архаический период греческой истории Афродита была известна в образе особого амбивалентного божества. С одной стороны, существовала гомеровская богиня, образ которой был создан ионийскими рапсодами, включившими ее в сонм олимпийских богов. С другой же, в сознании греков продолжало жить древнее грозное и могущественное божество — Великая Мать, родоначальница всей земной жизни, повелительница богов и людей³³. К этому божеству восходила рожденная на Кипре Афродита Урания — Οὐρανία, Κυπρογένεια, повелительница морских стихий и хранительница моряков — Ποντία, Λιμνία, Εὐπλοία. Отсюда пришли постоянные эпитеты Афродиты — ἀνδρόφορος, μελαινίς, μέλαινα, ἐπιστροφία, Ἄρεια. Эта же самая Афродита ἐφ' Ἰππολύτῳ погубила Ипполита, сына Тесея и потомка Посидона, оставаясь благосклонной к самому Тесею. В некоторых ее эпитетах четко обнаруживается хтоническая природа богини. Поэтому с полным основанием археологи назвали Афродитой ту богиню, чьи многочисленные изображения с голубями были найдены на золотых бляшках в микенских шахтовых гробницах³⁴.

Остров Кипр был древнейшим центром до- и прагерического культа Афродиты. Впервые попавшие туда финикийские переселенцы перенесли на эту древнюю местную богиню основные черты образа своего мстительно-го и жестокого женского божества Иштар, или Ашторет. Некоторые исследователи (Гоммель) высказывают предположение, что даже имя «Афродита» возникло как искаженное греками имя финикийской богини. Процесс этого синкретизма был длительным и сложным. Греческий культ Афродиты менялся во времени, но все прежние функции богини оставались неизменными. Так, например, у Геродота сохранился рассказ о том, как жестоко

³⁰ Guarducci, Epigrafia greca, стр. 209.

³¹ IG, I², 700. Это посвящение было, вероятно, принесено в древнейшее афинское святилище Афродиты Пандемос, культ которой античная традиция связывала с объединением всех аттических демонов, произведенным Тесеем (P a u s., I, 22, 3). О микенском происхождении эпитета *πότνια* см. M. L e j e u n e, Notes Mycéniennes, «Parola del passato», LXXXVII, 1962, стр. 401—407.

³² P l u t., De Herod. malign. 874 b; A t h e n., XIII, 573 c; Schol. Pind. Olym. XIII, 32.

³³ F. S o l m s e n, Zur Theologie im grossen Aphrodite-Hymnus, «Hermes», LXXXVIII, 1960, стр. 1—13.

³⁴ N i l s s o n, ук. соч., стр. 519—526, рис. 23, 3, 4.

покарала Афродита тех скифов, которые разграбили ее храм в Аскалоне, причем гнев богини преследовал даже всех потомков грабителей³⁵. Позднее, в эпоху эллинизма, когда в литературе и в искусстве Афродита заняла прочное место богини любви и красоты, в эпиграмматическую поэзию, давно уже утратившую связь с архаическими эпиграммами и ставшую основной формой художественного раскрытия личных чувств, проникли черты былого древнего облика богини. Поэтому в эллинистических эпиграммах она величается *Οβρανία*, *Πάνδημος* и *Πότνια*; изображается грозной повелительницей морской стихии, воительницей, которая не расстается со своим оружием и боевыми доспехами, боевой союзницей³⁶.

Для современников питекусского Нестора в VIII в. заступница и карательница Афродита, охранявшая его в морских путешествиях и позволявшая ему или его отцу благополучно проделать далекий и опасный путь, чтобы обрести новую родину, была в то же самое время усладительницей пиров, божественной участницей застолий. Что же удивительного в том, что ее имя появилось на кубке, который впоследствии оказался в могиле своего владельца? Лекиф Татайи — второй пример того, как надпись, охраняющая вещь при жизни владелицы, продолжала нести свою службу и после ее смерти.

Для тех исследователей, которые видят в эпиграмме на скифосе Нестора только любовную или застольную апофтегмату, основным аргументом служит слово *ἔμερος*, переводимое обычно как «желание», «любственное влечение». Этимология этого слова и его происхождение остаются невыясненными. Недавно было высказано предположение, что оно заимствовано из аккадского языка и связано с культом плодоносящих сил природы³⁷.

Предположение о том, что надпись Нестора может быть своего рода «оберегом» с обращением к богине-заступнице, помимо приведенных выше доводов может быть дополнено еще одним, графическим.

Во второй строке надписи, на значительном расстоянии от ее последнего слова, над тремя последними буквами имени Афродиты, в третьей заключительной строке имеются еще какие-то знаки. Четко читается начальное *ню*, затем следует странный знак EI, который первые издатели прочли как *эпсилон*, предположив, что писец по невниманию в слове *ἔν*, во второй строке, пропустил *ню*, затем заметил ошибку и пропущенную букву написал в стороне на уровне той же строки, а ее место в тексте обозначил через *эпсилон*, которая в греческом языке соответствует цифре «пять». Эту гипотезу отвергла Джеффри как невероятную в практике архаических надписей. По ее мнению, писец по ошибке написал после начальной буквы имени Нестора придыхательный знак — , а заметив это, начал переделять его в *эпсилон*, не сумел и написал текст в другом месте. Это предположение о фальшстарте приняли многие, в том числе Рютер и Маттессен. Новое толкование выдвинул Манганаро, который определил в этом знаке цену сосуда, помеченную рукой торговца уже после его изготовления. Но все эти указанные и не указанные здесь гипотезы едины в том, что эти знаки не имеют никакого отношения к тексту эпиграммы. В большинстве же случаев о них вообще не упоминается.

По моему мнению, три четко начертанные буквы — *ню*, *эпсилон* и *йота* — составляют слово *νῆι*, т. е. являются диалектным вариантом

³⁵ Herod., I, 105.]

³⁶ Anthologia Palatina, VI, 340, 239; V, 11, 17, 301; IX, 143, 144; X, 21; V, 98, 189; IX, 321; X, 21; XVI, 174—177.

³⁷ H. Frisk, Griechisches ethymologisches Wörterbuch, III, Heidelberg, 1972, s. v. *ἔμερος*. Относительно многозначности этого слова в греческом языке см. прим. 29; что же касается негативной оценки сексуальных эмоций, то начиная с гомеровского эпоса античная литературная традиция имеет для этого немало примеров.

той самой утвердительной частицы, $\nu\acute{\eta}$, которая в греческом языке постоянно употребляется при клятвах. Форма $\nu\acute{\epsilon}\iota$ в литературе дважды встречается как признак беотийского говора у Аристофана и засвидетельствована в одной орхоменской надписи³⁸. Особый характер лексики надписи Нестора позволяет предположить, что будущий диалектизм в VIII в. был нормой в языке эвбейской Халкиды. Место же этого слова в надписи над именем богини, четкое его написание позволяют видеть в нем письменное подтверждение клятвы, независимо от того, серьезна она или же шутивая. Писец не рассчитал места для нее, а когда увидел, что вторая буква — *эпсилон* — заняла слишком много места, он по возможности придвинул к ней *йоту*, чтобы все слово не вышло за пределы имени богини.

Остается еще упомянуть о тех двоеточиях, которые представлены во всех трех строках надписи в самом тексте. Они являются интерпункционными знаками, широко используемыми в метрических архаических и классических надписях с целью отделения метрически завершенных строк. В данном случае эти знаки интонационно окрашены³⁹. В первой строке ими отделяется каждое слово, чтобы во владельческой записи подчеркнуть значительность основной информации. В обеих гексаметрических строках они же разделяют каждый стих на три составные части — колонны. В таком делении закреплено, вероятно, звучание древнего устного гексаметра, что подтверждает гипотезу Френкеля о структуре архаического гексаметра как трехчастного стиха⁴⁰.

Предложенная здесь интерпретация надписи на кубке Нестора — еще одна гипотетическая попытка прочтения первой метрической греческой надписи. Значение этой надписи огромно независимо от всех попыток ее истолкования.

Надпись Нестора открывает совершенно новые горизонты в изучении греческой культуры на самых ранних ее этапах, она заставляет иначе отнестись к гомеровскому эпосу, прежде всего пересмотреть вопрос об его уникальности и универсальности для всего греческого мира в VIII в. до н. э. Надпись свидетельствует о широком распространении поэтического творчества вне и помимо Восточной Ионии. Наконец, она открывает историю греческой эпиграмматической поэзии и позволяет наметить этапы генезиса и эволюции этого первого вида поэтического письменного творчества⁴¹.

Обычай составления надписей, их функция и первоначальная форма могли быть заимствованы вместе с первой алфавитной письменностью у финикийцев, хотя нет никаких оснований, как справедливо отмечает Бенгстон, считать последних в этой области «оригинальными творцами»⁴². Иноземные модели, откуда бы они ни происходили, случайно попав в поле зрения греков, сразу же сталкивались с их собственной давней традицией. В данном случае устная поэтическая традиция определила стилистические и метрические особенности первых надписей. Воспринимая надписи только на основе своей собственной традиции, греки долго чуждались эпитафий,

³⁸ Achar. 869, 907; IG V² 342, 42. Форма $\nu\acute{\eta}$ обычна в языке аттической драмы и классической прозы, $\nu\acute{\epsilon}\iota$ же характерна для беотийского и аркадского диалектов — C. D. Buck, The greek dialects, Chicago, 1955², стр. 106.

³⁹ K. Alpers, Eine Beobachtung zum Nestorbecher von Pithekussai, «Glotta», III, 1969, стр. 170—174.

⁴⁰ H. Frankel, Der kallimachische und der homerische Hexameter, в кн. «Wege und Formen frühgriechischen Denkens», München, 1960², стр. 100—156.

⁴¹ В Питекуссе помимо надписи Нестора были обнаружены позднее черенки других скифосов второй половины VIII в. На одном из них уже прочитано сочетание $\epsilon\upsilon\lambda\omicron\tau$, возможно, тот же самый эпитет $\epsilon\upsilon\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$, представленный как гапак в надписи Нестора — E. Peruzzi, Origini di Roma, II, Bologna, 1973, стр. 25, 26.

⁴² Bengtson, ук. соч., стр. 61.

каковыми прежде всего были надписи финикийские. Греки же использовали эпиграммы для сосудов, представленные первыми метрическими надписями (Нестора, на дипилонской ойнохое, Корака, Фария, Татайи). Далее надписями стали снабжаться посвячительные дары, примером чему служит надпись Мантикла⁴³.

Надписи западных греческих окраин и прежде всего надпись Нестора зафиксировали миграцию новой письменности и ее непосредственное использование. Традиция, на которую опирались при этом греки, была наследием их собственного ахейского прошлого, представленного для них повсюду в памятниках материальной культуры и искусства. На Востоке, т. е. на малоазийском побережье и на прилегающих к нему островах, это прошлое стимулировало рождение эпоса; на материке, на южных и западных островах, в новых поселениях Запада оно было продолжено архаической лирической и эпиграмматической поэзией. Подобно эпосу и лирике эпиграмма долго не знала автора, но в отличие от них сразу же была зафиксирована письменно, причем героями эпиграмм стали современники, а сюжетом — реальная жизнь.

THE INSCRIPTION OF NESTOR FROM PITHEKOUSSAI

N. A. Chistyakova

☐ The earliest Greek verse inscription, found in 1954, belongs to the third quarter of the 8th century B. C. and is three lines long. In the first line the cup (in the first person) announces the name of its owner. The other two lines, composed in hexameters, show a high development of poetic skills in mainland Greece and her distant western outposts. The inscription is tangible evidence of the wide and rapid diffusion of the Greek alphabetic script at a very early stage of its existence. The non-Homeric character of the verses is obvious; their content suggests kinship with the magic incantation. The Nestor inscription has aided research in the origins and evolution of epigrammatic verse, the first type of poetry composed with a view to its fixation in writing.

⁴³ Впервые издаана в 1895 г., см. Guarducci, *Epigrafia greca*, стр. 145.